

УДК 811.161.1

Свиридова Е.А.

Мичуринский государственный педагогический институт

КНИЖНАЯ ЛЕКСИКА В СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЕ

E. Sviridova

Michurinsk State Pedagogical Institute

BOOK LEXICON IN MODERN MEDIA

Аннотация. В статье рассматриваются особенности употребления и основные функции книжных слов в современной прессе. Внимание акцентируется на их функционально-стилевой окраске и эмоционально-экспрессивной характеристике, находящихся в тесной взаимосвязи и оказывающих серьезное влияние на информативно-экспрессивную составляющую газетно-журнальных текстов. Книжная лексика в публицистических текстах выполняет информативную и воздействующую функции, нередко придает высказыванию образность, выразительность, оценочность.

Ключевые слова: полистилизм, книжная лексика, функционально-стилевая окраска, эмоционально-экспрессивная окраска, функции книжной лексики.

Abstract. The article deals with the features of the use and the basic functions of book lexicon in modern media. The attention is paid to their functional-stylistic coloring and emotionally-expressional characteristic that are in close interrelation with informatively-expressional component of journal texts and that impact it to a great extent. The book lexicon in publicist texts has an informative and impacting functions, and quite often adds to the statement's figurativeness and expressiveness.

Key words: polystylism, book lexicon, functional-style coloring, emotionally-expressional characteristic, functions of book lexicon.

Одной из характерных особенностей языка современной прессы является полистилизм – употребление в пределах одного газетного или журнального текста языковых единиц, относящихся к разным стилистическим пластам лексики русского языка, – книжных и разговорных слов.

Цель данной статьи – рассмотреть особенности употребления и функции книжных слов в современной прессе, показать взаимообусловленность функционально-стилевой и эмоционально-экспрессивной характеристик книжной лексики и их влияние на информативно-экспрессивную составляющую газетно-журнальных текстов.

Книжная лексика традиционно противопоставляется разговорной и отличается от нейтральной. Обычно при характеристике книжных слов в первую очередь подчеркивается исключительное или преимущественное их распространение в книжно-письменной речи [12, с. 135; 4, с. 165; 5, с. 126; 2, с. 54–56], а также отмечается, что основной сферой употребления книжных слов является нормированная литературная речь [12, с. 135].

Однако есть и другой, более глубокий, подход к изучению книжной лексики, который, однако, невозможен без учета сферы ее распространения и употребления [1, с. 243–245; 14, с. 152]. Например, О.С. Ахманова выделяет не книжную лексику, а слова с «повышенным» стилистическим тоном [1, 245], которые являются таковыми по отношению к нейтральным языковым знакам. При этом основным критерием для выделения данного разряда лексики исследователь считает стилистические свойства слов, «которые порождаются их применением в конкретных условиях речевого общения» [1, с. 243].

Таким образом, при квалификации книжной лексики (Ю.А. Бельчиков, М.Н. Кожина, Н.М. Шанский), слов с «повышенным» стилистическим тоном (О.С. Ахманова), стилистически ок-

рашенных единиц – с пометами «книжное», «высокое» (Д.Н. Шмелев, О.А. Крылова) лингвисты учитывают: сферу функционирования (письменная, реже устная речь), экстралингвистические факторы (задачи, условия, ситуации общения и т. п.), нормированность, стогую или нестрогую прикрепленность того или иного разряда книжной лексики к определенному стилю.

С нашей точки зрения, книжная лексика – это один из основных разрядов словарного состава литературного языка (наряду с нейтральной и разговорной), включающий слова, которые отличаются нормированностью, функционируют преимущественно в письменной речи, но в зависимости от условий общения могут использоваться и в устной, обладают функционально-стилевой окраской, с которой тесно связана эмоционально-экспрессивная.

Один из наиболее важных признаков книжной лексики – ее функционально-стилевая маркированность. В зависимости от сферы употребления и закрепленности слов за определенным функциональным стилем функционально-стилевая окраска книжных слов представлена двумя типами [6, с. 79]:

– функционально не однозначно ориентированная окраска, которая указывает на то, что лексическая единица является межстилевой в пределах книжных стилей. Так маркируется общекнижная (*сущность, взаимовлияние, способствовать*) и книжная высокая (*начертание, судьбина, нерасторжимый*) лексика;

– функционально однозначно ориентированная окраска, которая указывает на прикрепленность слова к определенному функциональному стилю. В этом случае традиционно выделяются следующие функционально-стилевые разновидности книжной лексики [5, с. 121–126; 11, с. 254–264; 3, с. 70–71; 13, с. 80–81; 6, с. 79]: официально-деловая лексика (*истец, нижеподписавшийся, протокол, деяния, уведомить*); научная лексика (*геномика* (биол.), *видеокарта* (информ.), *вирусолог* (мед.), *омонимия* (лингв.)); публицистическая, или газетно-публицистическая,

лексика (*хроника, капитализация, плюрализация, постиндустриальный, лоббировать*); лексика художественной речи, или художественно-поэтическая лексика (*недруг, лира, изгнанник, вдохновенный, отчий*).

В современной прессе активно употребляются книжные единицы, обладающие как первым, так и вторым типом функционально-стилевой окраски. Обычно такие слова выполняют функции сообщения информации и воздействия на массового читателя, а также нередко служат средством создания образности, выразительности, оценочности. Например: *Война – аномальное явление человеческой цивилизации, порождение сознания деградирующих людей и нелюдей, извращенно понимающих сущность человеческого бытия* (Социально-гуманитарные знания. 2010. № 4).

В процитированном фрагменте журнальной статьи, в которой речь идет о войне как опасном социальном явлении, употреблены книжные слова *порождение, бытие, аномальный, деградирующий*. Данные лексические единицы являются межстилевыми в пределах книжных стилей. Обратимся к их лексикографическому описанию. *Порождение* – (книжн.) ‘то, что порождено кем-, чем-нибудь’ [8, с. 563]. *Аномальный* – прил. к *аномалия*. *Аномалия* – (книжн.) ‘отклонение от нормы, общей закономерности; неправильность’ [8, с. 32]. Причастие *деградирующий* образовано от глагола *деградировать* – (книжн.) ‘постепенно ухудшаясь, прийти (приходить) к вырождению’ [8, с. 160]. Слово *бытие* в значении ‘жизнь, существование’ в толковых словарях маркируется по-разному: как *книжное* [8, с. 70] и как *традиционно-поэтическое* и *высокое* [9, с. 130]. Помета *трад.-поэт.* указывает на употребление слова в поэзии, помета *высок.* – на принадлежность торжественно-приподнятой речи. В рассматриваемом контексте лексема *бытие* при явной принадлежности к книжно-письменной речи придает окраску важности, возвышенности понятию «жизнь».

Итак, книжные языковые знаки *порождение, бытие, аномальный, деградирующий*

в контекстном взаимодействии, во-первых, с социально значимыми словами *война, явление, цивилизация*, а во-вторых, с эмоционально окрашенными *нелюди, извращенно* выполняют информативную функцию, отражают точку зрения адресанта и воздействуют на адресата, т. е. несут важную смысловую и эмоциональную нагрузку.

Книжные языковые знаки, закрепленные за определенным функциональным стилем, употребляются в газетно-журнальных текстах соответствующей тематической направленности, что определяет характер выполняемых ими функций.

Так, основная функция официально-деловых слов – информативная, они отличаются «безэмоциональностью» [6, с. 158] и имеют дополнительную окраску официальности. Например: *После долгих споров, так и не добившись отмены экспортной пошлины на нефть, президент Белоруссии Александр Лукашенко согласился на создание Таможенного союза. 3 июля белорусский парламент ратифицировал общий Таможенный кодекс, а 5 июля Дмитрий Медведев, Нурсултан Назарбаев и Александр Лукашенко подписали соглашение о вступлении в силу Таможенного союза* (Рус. репортер. 2010. № 26).

Здесь речь идет о международном экономическом сотрудничестве стран, входящих в СНГ. Данный экстралингвистический фактор обусловил присутствие в контексте лексики официально-делового стиля: *Таможенный кодекс, экспортная пошлина, Таможенный союз, вступление в силу, ратифицировал, подписали соглашение*. Существительные *кодекс* и *соглашение* представляют собой наименования документов: *кодекс* – ‘систематизированный свод законов, относящихся к какой-либо области права’ [7, с. 436]; *соглашение* – ‘договор, устанавливающий взаимные обязательства сторон’ [7, с. 1228]. Глагол *ратифицировать* в значении ‘подвергнуть – подвергать ратификации’ [7, с. 1107], как и существительное *ратификация* (‘утверждение верховным органом государственной власти международного договора, заключенного ее уполномоченными’ [7, с. 1107]), относится к разряду

слов дипломатической сферы. Лексемы *таможенный (таможня* – ‘учреждение, ведающее контролем провоза через границу грузов, багажа, почты и собирающее пошлину за такой провоз’ [7, с. 1306]), *экспортный (экспорт* – ‘вывоз товаров, капиталов, технологий за границу’ [7, с. 1518]), *пошлина* (‘государственный денежный сбор с ввозимых товаров, а также за некоторые другие операции, регулируемые государством’ [7, с. 951]) конкретизируют область международного сотрудничества трех стран. Словосочетания *подписать соглашение, вступление в силу* являются типичными лексическими элементами официально-делового стиля.

Таким образом, официально-деловая лексика, присутствующая в одном контексте с общественно-политическими словами *президент, парламент*, несет основную информативную нагрузку и привносит в журнальный текст стиливую строгость и официальность, что соответствует его содержанию.

Научная лексика, имеющая обобщенно-абстрагирующий характер, также активно функционирует в современной прессе. Обще-научные слова и терминологическая лексика используются, как правило, при сообщении информации, связанной с научными открытиями и достижениями. Например: *Пятнадцать лет потребовалось биологу Крейгу Вентеру и сотрудникам его института, чтобы создать клетку, управляемую искусственным геномом. Последовательность действий такова: сначала расшифровали геном бактерии *Mycoplasma mycoides*, затем собрали его из элементарных частей – нуклеотидов. Собирали в несколько стадий: маленькие кусочки синтезировали химически, а в длинные их объединили внутри дрожжевых клеток. Наконец сформировали хромосому целиком и поместили ее в бактерию *Mycoplasma capricolum*, родную хромосому из которой ранее удалили. Новый организм начал жить и размножаться под управлением искусственного генома* (Рус. репортер. 2010. № 20).

Как видим, фрагмент журнальной статьи насыщен биологическими понятиями и терминами (*искусственный геном, геном*

бактерии, нуклеотиды, дрожжевые клетки, хромосома и т. п.), в том числе содержит латинские наименования (*Mycoplasma mycoides*, *Mycoplasma capricolum*). Естественно, что не все терминологические обозначения понятны массовому читателю, однако их употребление в публицистическом тексте имеет не только информативную значимость, но и воздействующую. Детальное описание этапов создания клетки с искусственным геномом способствует пониманию адресатом трудоемкости работы ученых и формирует уважение к их деятельности.

Основной корпус языка современной прессы составляет публицистическая лексика, активно выполняющая свои главные функции – сообщения и воздействия. Например: *Среди немецких предприятий, вносящих весомый вклад в развитие сотрудничества между Германией и Россией, вот уже много лет почетное место принадлежит семейному предприятию КНАУФ – крупнейшему производителю строительных отделочных материалов* (Известия. 2010. № 183); *Политическая стабильность, консолидированное государство – это инструмент модернизации* (АиФ. 2009. № 39); [Рубан:] – *Мне кажется, ничего страшного не будет, если мы объединим украинское общество неприятием сталинизма, тоталитаризма, любых форм угнетения и тем более лишения права человека на жизнь во имя каких-то там общих, коллективистских, государственных и еще каких-то там целей* (Известия. 2010. № 154).

В процитированных фрагментах статей употреблены типичные для прессы словесные блоки *вносить весомый вклад, развитие сотрудничества, почетное место, политическая стабильность, консолидированное государство, во имя... целей* и т. п., общественно-политические слова *государство, модернизация, сталинизм, тоталитаризм, угнетение, лишение* и т. п. Собственно публицистическая лексика обладает большим информативным и воздействующим потенциалом.

Как известно, художественно-поэтическая лексика отличается повышенной эмо-

циональностью и экспрессивностью, что связано с широким использованием в художественной речи поэтизмов, различных способов переносного употребления слов, многостильностью и т. п. При употреблении в публицистических текстах лексики, свойственной художественной речи, может возникнуть эффект смысловой двуплановости. Рассмотрим в качестве примера заголовки газетной статьи: *В здравоохранении региона грядут перемены* (Труд. 2010. № 237). Здесь обращает на себя внимание глагол *грядут*, который обладает повышенной стилистической значимостью. См.: *грясти* – (высок.) ‘наступать, приближаться’ [7, с. 233]. Высокое слово в газетном тексте создает смысловую двуплановость и рождает игру смыслов: содержание статьи позволяет сделать вывод о том, что намеченные масштабные изменения в здравоохранении вряд ли улучшат медицинское обслуживание населения региона.

Как видим, функционально-стилевая закреплённость книжных слов неразрывно связана с их эмоционально-экспрессивной окраской. В зависимости от того, какой оценочный компонент содержит в себе слово, оно употребляется говорящим или пишущим в соответствии с ситуацией письменного или устного общения. По мнению Н.М. Шанского, именно эмоциональная характеристика и экспрессивные особенности слова определяют его стилистическое употребление [12, с. 131].

М.Н. Кожина [5, с. 120], отмечая, что эмоционально-экспрессивная окраска состоит из положительной и отрицательной характеристик, выделяет следующие группы книжной лексики с положительной и отрицательной оценкой: торжественная, возвышенная (*чаяния, дерзновенный, воздвигать*); риторическая (*кара, держава, возвещать*); возвышенно-поэтическая (*лучезарный, блистательный, горделивый*); неодобрительная (*критикан, злонамеренный*); презрительная (*нувориш*); ироническая (*вздыхатель, выдворить*).

Для высоких слов чаще всего характерна положительная коннотация (*достояние, свершения, дерзать*), однако среди них есть еди-

ницы и с отрицательной коннотацией (*зубитель, злодеяние, крушить*). Пейоративными лексемами являются и такие книжные слова, как *клика, клевет, ренегат* и многие другие.

В современной прессе активно употребляются книжные слова, обладающие разными видами эмоционально-экспрессивной окраски. Они служат для создания образности, выразительности, оценочности высказывания. Например: *Ощутимые неудачи случались в биографии не намного реже, нежели очевидные победы, порой наступали периоды опустошающих творческих кризисов. Морозов сполна испытал на себе всю возможную тяжесть «обработки» творца «давлением», ему слишком хорошо известно, что такое актерское и человеческое предательство* (Лит. газета. 2009. № 46).

В процитированной газетной статье речь идет о нелегкой жизни человека творческой профессии – актера, для обозначения которого журналист использовал высокое слово *творец*. См.: *творец* – (высок.) ‘человек, который создает, создал что-нибудь творчески’ [8, с. 789]. Данная лексема имеет положительную коннотацию и придает речи выразительность, а также способствует созданию контраста: человек-творец и реальная действительность, предательство, подлость.

Рассмотрим еще один контекстный пример: *Наверное, судьба у Нюрнберга такая: закрывать тяжкие страницы истории. Ведь именно здесь в 1648 году был заключен Вестфальский мир, положивший конец Тридцатилетней войне. А спустя без малого 300 лет в этом же баварском городе исторический Нюрнбергский процесс положил начало **покаянию** немецкого народа за **нацизм** и все те же **злодеяния**, которые он принес миру* (Эхо планеты. 2010. № 46).

Здесь обращают на себя внимание книжные слова *покаяние, нацизм, злодеяния*. Существительное *покаяние*, употребленное в значении ‘добровольное признание в совершенном поступке, в ошибке’, маркируется в толковом словаре пометой «высокое» [7, с. 894] и содержит положительную коннотацию. Лексема *нацизм* (‘германский фашизм’

[7, с. 608]), относящаяся к разряду общественно-политической лексики, обладает отрицательной оценкой, которая носит больше логический, нежели эмоциональный характер. Слово *злодеяние* в значении ‘злодейство’ квалифицируется как «высокое» [7, с. 365] и имеет отрицательную эмоционально-экспрессивную окраску.

Употребление в одном контексте эмоционально окрашенных слов *покаяние* и *злодеяние*, обладающих противоположной оценочной коннотацией, и пейоративной лексемы *нацизм* способствует созданию смыслового и эмоционального контраста: слово с положительной эмоциональной оценкой (*покаяние*) противопоставляется единицам, имеющим отрицательную, как логическую, так и эмоциональную, оценку (*нацизм, злодеяние*). Такая расстановка семантико-прагматических акцентов способствует не только передаче информативной составляющей текста, но и формированию у массового читателя определенного эмоционального отношения к экстралингвистическим явлениям.

Нередко книжное слово, функционирующее в современной прессе, обладает разными стилистическими характеристиками – функционально-стилевой и эмоционально-экспрессивной. Такова, например, лексическая единица *пиаризация*, широко употребляющаяся в СМИ. См.: *Недостаток этот особенно очевиден на фоне совершенно патологической веры в пиар, укоренившейся среди пресловутой «московской политтусовки» и смыкающихся с ней кремлевских кругов. Эта «пиаризация» властной элиты представляет собой совершенно отдельную и крайне острую проблему...* (Неприкосновенный запас. 2001. № 3).

В современных толковых словарях существительное *пиаризация*, новация последних десятилетий, маркируется двумя пометами. См.: *пиаризация* – (публ., неодобр.) ‘использование пиара как основного средства завоевания популярности; чрезмерное увлечение пиар-акциями’ [10, с. 728]. Первая помета (публ.) указывает на функционально-стилевую закрепленность слова, а вторая (неодобр.) – на его эмоционально-экспрессивную окраску.

Таким образом, наши наблюдения показывают, что в современной прессе активно функционируют различные виды книжной лексики, обладающей как функционально-стилевой, так и эмоционально-экспрессивной маркированностью. Нами установлено, что книжные слова в публицистических текстах выполняют информативную и воздействующую функции, нередко придают высказыванию образность, выразительность, оценочность. Книжная лексика располагает огромными возможностями для передачи информации и воздействия в ее разнообразных смысловых и стилистических оттенках. Во многом это объясняется тем, что в ее состав входят, с одной стороны, языковые знаки, имеющие распространение в разных сферах книжно-письменной (и отчасти устной) речи, а с другой стороны – единицы, закрепленные за определенным функциональным стилем. Многообразие эмоционально-экспрессивных оттенков книжных слов отражает традицию их употребления и вместе с тем дает возможность использовать их в переносном, метафорическом смысле в текстах разной стилевой и жанровой направленности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М.: Учпедгиз, 1957. – 295 с.
2. Бельчиков Ю.А. Функциональная стилистика // Стилистика и литературное редактирование / под ред. В.И. Максимова. – М.: Гардарики, 2008. – С. 8–165.
3. Бондалетов В.Д. Стилистические средства фонетики, лексики, фразеологии, словообразования, морфологии и синтаксиса русского языка // Стилистика русского языка / под ред. Н.М. Шанского. – Л.: Просвещение, 1989. – С. 45 – 140.
4. Калинин А.В. Лексика русского языка. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 231 с.
5. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1993. – 224 с.
6. Крылова О.А. Лингвистическая стилистика: в 2 кн. Кн. 1. Теория. – М.: Высш. шк., 2006. – 311 с.
7. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2008. – 1536 с.
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1989. – 924 с.
9. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1981. – 698 с.
10. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Склеяревой. – М.: Эксмо, 2007. – 1136 с.
11. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. – М.: Высш. шк., 1990. – 415 с.
12. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. – М.: Просвещение, 1972. – 368 с.
13. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. – М.: Наука, 1977. – 186 с.
14. Шмелев Д.Н. Современный русский язык: Лексика. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.